



Дарья Донцова

# За всеми защитами



Любительница частного сыска  
**Даша Васильева**



ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ **ЭКМО**

**Дарья Донцова**  
**За всеми зайцами**  
Серия «Любительница частного  
сыска Даша Васильева», книга 2

*текст предоставлен издательством*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=118863](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118863)*  
*Д.Донцова За всеми зайцами: Эксмо; Москва; 2007*  
*ISBN 978-5-699-21363-4*

**Аннотация**

Невероятные события просто падают на голову симпатичной преподавательнице французского языка Даше Васильевой. Стоило поехать отдыхать, как пожалуйста – чуть ли не на ее глазах убивают «короля зубной пасты». Полиция готова закрыть дело за неимением улик, однако Даше хочется разобраться во всем до конца. Но это не легко. Оказывается, смерти магната хотели все – жена, дочери, зять... Известные злоумышленники во всю пытаются помешать Даше, убивая свидетелей. Но она решает не сдаваться и расставить в этой запутанной истории все точки над і.

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	62
Глава 9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

# Дарья Донцова

## За всеми зайцами

### Глава 1

Телефонный звонок прозвучал в крошечной тьме. Я лежала, как труп, и никак не могла раскрыть глаз, а противный звук повторялся с редким постоянством: дзинь, дзинь. Наконец мозги зашевелились, и, поднимая трубку, я глянула на будильник – пять утра. Кому же это пришлось в голову позвонить в такую несусветную рань? Голос оказался до боли знакомым:

– Дашенька, деточка, наверное, не узнаешь меня? Беспокоит Анна Михайловна Петрова из Москвы.

Даже при желании не забудешь профессора Петрову. Высокая, полная, с величественной осанкой и серебристой укладкой, она полностью и абсолютно хозяйствовала на кафедре, где уныло протекала моя преподавательская деятельность.

Не то чтобы Анна Михайловна меня не любила, нет, просто не замечала: не хвалила и не ругала. Я была исправной преподавательской единицей, безропотной и до ужаса скучной. Я не имела мужа-генерала, как Леночка Костина, или папу-академика, как Милочка Любавина, я не ездила за гра-

ницу, как Женя Славин. Даже Катя Артамонова, вышедшая замуж за парикмахера, пользовалась расположением Анны Михайловны.

– Конечно, для Катюши это мезальянс, – говорила она хорошо поставленным голосом. – Парикмахер вообще-то ей не пара, но настоящего дамского мастера так трудно найти.

Прозябать бы мне до пенсии на кафедре иностранных языков в техническом вузе с зарплатой, на которую можно купить разве что десять банок главного женского секрета – майонеза «Кальве», как вдруг случилась потрясающая история.

Моя лучшая подруга Наташа неожиданно вышла замуж за сказочно богатого француза. И я с детьми и невесткой поехала ее навестить.

По прибытии в Париж мы оказались в центре совершенно невероятной детективной истории. Жана, мужа Наташи, убили на следующий день после нашего приезда. Все его многомиллионное состояние отошло вдове. Никаких родственников – ни прямых, ни кривых – у Жана не было. Кроме денег, в Наташкины руки упали коллекция картин, трехэтажный дом, семейные драгоценности и хорошо налаженный бизнес. Задыхаясь от счастья, она попросила остаться с ней, и я рискнула.

Московскую квартиру сдала сразу, с работы уволилась в одночасье. Жизнь богатой дамы в столице моды пришлась мне по вкусу, а чтобы не умереть со скуки, я стала препода-

вать русский французам, которым этот язык зачем-то понадобился.

Жили мы в предместье Парижа вместе с Наташкой в шикарном особняке. Мой сын Аркадий учился на адвоката, его жена Оля – на искусствоведа. Четырнадцатилетняя Маша ходила в лицей. Еще жили с нами две собаки: питбультерьер Банди и ротвейлер Снап. Они беспрепятственно бегали по всему дому и саду.

И пит и ротвейлер были куплены для охраны, но злых сторожей из них не получилось. Оба до потери сознания обожа-ли пожрать. Их пасти вечно были заняты какой-то вкусняти-ной. Луи, повар, поил их кофе со сгущенкой. Его жена, Со-фи, угощала блинчиками, даже электрик и слесарь балова-ли сдобным печеньем. Результат налицо: кровожадные звери встречали любого незнакомца радостным повизгиванием.

Не рисковали собаки заглядывать только в комнаты на третьем этаже, которые занимали Луи и Софи. Там без-раздельно царили две кошки: белая Фифина и трехцветная Клеопатра. Собаки их побаивались и, когда те парочкой вхо-дили в гостиную, быстро освобождали самое уютное место у торшера.

Нашу богатую и счастливую жизнь изрядно портило толь-ко одно неудобство: бесконечные гости из Москвы. Как толь-ко слух о моем переезде разнесся по городу, косяком, как журавли на юг, потянулись визитеры. Каждый раз это вы-глядело одинаково: короткий телефонный звонок – и через

несколько дней в холле топчется очередной турист с необозримых просторов любимой Родины. В чемодане у него, как и у всех остальных, неизменная буханка черного хлеба и баночка икры. Ну кто придумал, что в Париже нельзя купить черный хлеб и икру?

Теперь понятно, с каким настроением я услышала в пять утра международный звонок, но, к сожалению, мама и папа еще в детстве объяснили, что неприлично бросать трубку.

– Да, Анна Михайловна, конечно, я вас узнала!

– Ах, Дашенька, детка моя, – сладко запела мембрана, – нам на кафедре так тебя не хватает.

Я гадко ухмыльнулась и продолжала слушать, как профессор Петрова постепенно подбирается к основной теме разговора – ее приезду во Францию. Но ошиблась.

– Дружочек, мой младший сын Дима едет в Париж, видишь ли, он всю жизнь мечтал там побывать. Денег у нас, сама знаешь, немного, на билет ему наскребла, а вот гостиницу не осилим. Не примешь его ненадолго?

– Ну конечно, с радостью, дайте ему адрес, нет, лучше встречу сама, когда он прилетит?

– Сегодня, девятичасовым рейсом, поэтому и позвонила пораньше, чтобы застать дома, как твои детки?

Еще минуты две Анна Михайловна проявляла ко мне интерес. Потом я повесила трубку и задумалась.

Визит незнакомого юноши более чем некстати. Сегодня этим же рейсом из Москвы прилетает моя хорошая подруга

Оксана с сыном Денисом.

Я очень люблю и бесконечно уважаю Оксану. Она, абсолютно одна, на небольшую зарплату хирурга воспитала мальчишку. Дениска учился в Ветеринарной академии, многие Оксанины знакомые предпочитали лечить своих собак и кошек у него, первокурсника, а не у дипломированных выпускников. Ни разу не слышала от Оксаны жалоб, не видела ее в дурном настроении – у нее все всегда хорошо, все прекрасно, все чудесно. И, в отличие от многих других, ее пришлось долго упрашивать приехать. Ужасно жаль, что придется еще уделять внимание абсолютно постороннему парню.

Я вздохнула и потянулась к халату, пора вставать, заснуть уже не удастся. В дверь тихонько поскреблись, я вышла в коридор. Снап с умильным видом вертел хвостом-обрубком.

– Ах ты, хитрец, услышал голос и пришел проверить, не перепадет ли чего, а где твой друг и товарищ Банди?

С этими словами я приоткрыла дверь в Машину комнату. Так и есть, на подушке лежали две головы: белокурая Марусина и черная Банди. Громадный пит развалился на розовом одеяле и громко храпел, Манюня тихо посапывала. Я побрела на кухню, попить кофе. Возле плиты в кресле-качалке сидел Луи. Увидев меня, он удивленно поднял брови:

– Мадам, что подняло вас в такой час?

– Ох, Луи, не имей сто рублей, не получишь сто друзей. Надо попросить Софи приготовить комнату для гостей.

– Она уже все сделала для мадам Оксаны и ее сына.

– К сожалению, этим же самолетом прилетит еще один гость. И не спрашивайте, кто он такой, совершенно не знаю.

Тактичный Луи промолчал. Я пошла в столовую, где, к большому удивлению, обнаружила за столом Аркадия и Олю.

– Что вы вскочили так рано?

Они подняли сонные глаза.

– У меня заседание суда в департаменте Марны, – проговорил Аркашка, – и Ольку беру с собой. А вот ты, мать, чего из кровати вылезла, шести еще нет.

Я рассказала им о звонке Петровой. Аркашка возмущенно хмыкнул:

– Это та самая заведующая кафедрой, которая в свое время не давала талонов на продуктовые заказы? Помню, как ты рыдала, когда тебе не доставались куриные окорочка. Не могла ее послать, что ли? Сколько хоть лет этому придурку?

Тяжелый вздох вырвался из моей груди: ну не знаю ничего про этого юношу, ничего. И не представляю, как найду его в аэропорту.

– Надо держать в руках табличку с надписью «Дима», – пробормотала Оля.

Я с подозрением покосилась на нее. Тихая, бесхитростная, интеллигентная, прозванная Зайкой, невестка становилась удивительно злобной, если ей казалось, что меня обижают.

Аркадий откровенно захихикал. Я подошла к окну. Боль-

шие раскидистые деревья тихо покачивались на ветру. Первое утреннее солнце мягко освещало подъездную аллею. По гравийной дорожке брел садовник Ив с большими ножницами.

– Мать, – раздался за спиной голос Аркашки, – нам пора.

Я проводила детей до гаража и, свистнув Снапу, погуляла по саду. Нет, в раннем подъеме есть своя прелесть. Но пора и остальным вставать.

Я вошла в Машину комнату и попыталась откинуть одеяло. Не тут-то было. Пятидесятикилограммовая тушка Банди даже не пошевелилась.

– Банди, Луи готовит блинчики на завтрак.

Услышав волшебное слово «блинчик», Банди моментально подскочил и понесся на кухню. Я села к Марусе на кровать:

– Утеночек, пора вставать, скоро в лицей.

Трехпудовый утеночек со вкусом потянулся и выставил из-под одеяла ножку 38-го размера.

– Мамулечка, может, сегодня один денечек пропустим, ну только один?

– Нет, солнышко, невозможно, и потом сегодня приезжают Оксана и Дениска.

Машка издала вопль и кинулась к шкафу:

– Деня едет, ура! Что бы такое надеть? Может, джинсы с блестуном?

Толстеньякая Маруся не испытывала никаких комплексов

по поводу своей фигуры и без тени сомнения натягивала на себя все, что хотела. Оставив дочь крушить шкаф, я опять спустилась в столовую, где уже сидела Наташка.

– Что новенького, – спросила она, – у нас ночью пожар был? Кто это до трех утра визжал в кабинете?

– Ничего не слышала, помнишь Анну Михайловну Петрову?

Наташка рассмеялась:

– Разве можно забыть нашу завкафедрой? Тот еще фрукт гнилой, помнишь, как она талон на уют не дала?

Мне стало смешно, и я рассказала Наташке все подробности телефонного разговора. Подруга пришла в полное негодование:

– Гони его отсюда, нужен нам тут ее сынишка, наверно, такой же высокомерный тип, как мамулька.

Утро покатилося в повседневных хлопотах. Сначала, бесконечно ноя о тяжелой судьбе младенца, уехала в лицей Маруся. Я с опаской смотрела, как она выкатывает из гаража мотоцикл и напяливает шлем. Охотнее всего запретила бы ей пользоваться этим кошмарным видом транспорта, но что поделаешь, если права на вождение можно получить уже в 14 лет, а площадь перед лицеем забита этими железными конями. Единственное, чего удалось добиться, – оставленный в сумке плеер. Мне всегда казалось, что уши на дороге не следует затыкать. Сегодня Маня собиралась медленнее обычно.

– Ну что ты возишься? – сказала я в сердцах.

– Сейчас, сейчас, – пропыхтела девочка, дергая какие-то ручки, – что-то у этой гадкой машины стали барахлить тормоза.

– Тогда оставь его дома, – испугалась я, – нельзя ездить с неисправными тормозами.

– Да нет, – отмахнулась дочь, – не до такой степени. На днях покажу механику.

Потом мы с Софи долго обсуждали меню обеда. И ей, и мне хотелось повкусней угостить Оксану. За всеми делами чуть было не опоздала в аэропорт.

## Глава 2

Самолет из Москвы прилетел на пятнадцать минут раньше, и, когда, размахивая букетом, я ворвалась в зал, пассажиры уже начали выходить. Оксана и Дениска стояли около табло прилета.

– Привет! – закричали они радостно.

– Привет, привет, простите, опоздала, а что это у тебя на кофте?

– Представляешь, – сказал Денис, – около нас в самолете сидел какой-то козел, настоящий придурок. Стал телик смотреть – наушники сломал, а когда обед принесли, он его на маму опрокинул!

Оксана расхохоталась:

– Ладно переживать, неужели в Париже кофточку не куплю. Ну поехали, очень хочется посмотреть на быт миллионов!

– Сейчас поедem, только, к сожалению, случилась одна непредвиденная неприятность.

И я рассказала им о звонке Анны Михайловны.

– А как мы его узнаем? – радостно спросил Дениска.

– Не знаю, как-нибудь.

– Смотрите, смотрите, – оживился Дениска, – вон козел стоит, который маму облил.

Я оглянулась. Возле справочного бюро маялся юноша лет

двадцати, высокий, худой, нескладный. На нем была застиранная футболочка и индийские, слегка коротковатые джинсы, не очень чистые белокурые волосы падали на глаза, делая его похожим на тибетского терьера. На фоне аккуратных французов и разряженных туристов парень выглядел странно.

«Вот ведь чучело», – подумала я и отвернулась. Надо было что-то делать, лучше всего обратиться в справочное бюро. Милая девушка разрешила сделать объявление по-русски. Прокашлявшись, взяв в руки микрофон, я сообщила:

– Диму Петрова, прибывшего рейсом из Москвы, просят подойти к табло в зал прилета.

И с чувством выполненного долга вернулась к Оксане с Денисом. С удивлением увидела, как нескладный молодой человек двинулся в нашу сторону. Широко улыбаясь, он произнес:

– Вы, наверное, Дарья Андреевна. – Он споткнулся об Оксанин чемодан и с громким криком рухнул на Денискину сумку.

– Машкин подарок! – завопил Дениска и начал вытаскивать поклажу.

Суматоха стихла минут через десять.

– Простите, простите, – не уставал повторять Дима, – не нарочно, совершенно случайно, я, видите ли, очень близорук.

– Очки надень, – огрызнулся Денис, со слезами на глазах

разглядывая разбитую фигурку девочки с собакой – подарок для Маши. – Очки надень, козел.

– Денис! – подала угрожающий гудок Оксана.

– Да я ношу очки, – прищурился Дима, – только разбил их в Шереметьеве случайно, ну ничего, вернусь домой, закажу новые!

– Очки купим прямо сейчас, – твердым голосом произнесла я, – может, и не самые хорошие, но прямо сейчас, а завтра сводим тебя к окулисту.

Все двинулись к машине. Денис нес вещи, а у Димы в руках была только небольшая сумочка, смахивающая на хозяйственную.

– Дима, – поинтересовалась Оксана, – а где багаж?

– А вот он, – простодушно ответил Дима, – не люблю возить много вещей. Денис покосился в сторону и беззвучно пошевелил губами.

Мы запихнули вещи в машину и поехали искать ближайшую оптику. С очками на носу Дима приобрел более солидный вид, но это не помешало ему стукнуться головой о стойку машины, когда мы приехали домой.

– Козел, – опять беззвучно пошевелил губами Денис и тут же расплылся в улыбке: – Манюня!

С радостным визгом Машка кинулась Дениске на шею:

– Деня, я тебя обожаю, смотри, какие у меня собачки!

Банди и Снап робко разглядывали приехавших.

– Мам, ты посмотри, какие мальчишки! – заорал полный

восторга Дениска и пошел к собакам.

– Ну, мальчишки, покажите и зубки и ушки, дядя доктор вас угостит. – И он вытащил из кармана куртки пакет чипсов.

При виде любимого лакомства носы собак возбужденно задвигались, в мгновение ока Дениска стал любим. Мы с Оксаной двинулись в дом.

– погоди, а вещи! – спохватилась подруга.

– Не беспокойся, сейчас попрошу Ива, и он внесет их в комнаты.

Оксана вздохнула:

– Хороша жизнь миллионеров!

Мы прошли в гостиную и сели на диван.

– Ну, рассказывай, – сказала я.

– А что рассказывать? Живу на старом месте, работаю там же...

– Простите, мадам...

– Да, Ив, что случилось?

– Там, в машине, молодой человек, он отказывается выходить, так как очень боится собак, может, мне их убрать?

Я покраснела, ну надо же, совершенно забыла про Диму.

Во дворе Машка и Дениска покатывались со смеху. Снап и Банди пытались заглянуть в «Рено», где на заднем сиденье виднелся бледный от страха Дима.

– Мамуля, – завопила Маруся, – ты представляешь, он их боится!

Дениска радостно хихикал.

– Как вам не стыдно! Ты будущий ветеринар, хорошо знаешь животных, а ты, Маруся, живешь с ними. Бедный мальчик, наверное, не имеет животных, вот и боится.

Я распахнула дверцу машины, псы моментально всунули внутрь свои гигантские морды.

– Уберите их, – визгливо закричал Дима, – они сейчас укусят, ай, ай!

Банди изловчился и начал лизать его ногу.

– Марья, – злобно сказала я, – сейчас же убери собак в дом.

Очевидно, в моем голосе прозвучало нечто такое, что Маруся разом притихла и покорно потащила упирающихся кобелей в кухню.

Я уставилась на Диму:

– Ты что, правда боишься ЭТИХ собак?

– Я любых боюсь.

– Ну так вот. Эти животные абсолютно безобидны. Зубы они употребляют только для процесса жевания, они спокойные и за всю свою жизнь никого не обидели. Теперь выбирай: либо пытаешься с ними подружиться и живешь с нами, либо я отвожу тебя назад в аэропорт. Другой альтернативы нет.

Дима вытер вспотевший лоб и вылез из машины, я лично отвела его в комнату.

Через час мы все собрались в столовой. Радостно-возбужденная Наташка обнимала Оксану. Дениска и Маня живо обсуждали проблему запора у животных. Софи внесла супни-

цу.

– Сегодня национальное французское блюдо – луковый суп, – торжественно возвестила Наташка.

– А что это такое? – заинтересовалась Оксана.

– Ну, вообще настоящий луковый суп можно поесть только на месте бывшего Чрева Парижа, в ресторанчике «У ног поросенка».

– Но Луи тоже вкусно его готовит, – вмешалась я.

Мы сели за стол и начали дегустировать суп. Внезапно распахнувшаяся дверь явила нашему взору всклокоченного Диму. Близоруко щурясь, он приглаживал пятерней волосы.

– Добрый вечер, простите, я заснул, – пробормотал парень и, размашисто шагнув в комнату, задел ногой торшер. Тот покачнулся и упал. Звон разбившегося плафона и ламп наполнил комнаты. Все вскочили на ноги, прибежала Софи, за ней ворвались собаки и кошки.

## Глава 3

На следующее утро, в субботу, мы все снова сошлись в столовой. Наташка и Оксана закусывали круассанами, Маня и Денис подкреплялись более основательно – колбаса, яйца, булочки, джем, мед. Продукты с невероятной скоростью исчезали в их желудках. Под столом лежали собаки.

Внезапно в коридоре раздался грохот.

– Всем сидеть на местах! – заорала Наташка и выскочила за дверь.

Через несколько минут она ввела за руку Диму и торжественно усадила за стол.

– Вот, сиди, не шевелись. Сейчас я налью тебе кофе, а что, дома тоже все время что-то роняешь?

– Нет, нет, дома только разбил зеркало в прихожей, и потом у нас как-то просто, ничего на стенках не навешано, и лампы у дверей не стоят. Я ведь картину сейчас от неожиданности обвалил, под ноги какая-то идиотская кошка кинулась, у вас что, еще и кошки живут?

– А ты кошек тоже боишься? – съехидничала Маша.

– А черт их знает, – сказал Дима, – у них когти, зубы. Еще поцарапают или укусят. И потом, какой от них запах! Кошки – жуткие грязнули!

– Кошки – грязнули? – возмутился Денис. – Ну ты и скажешь! Кошки необыкновенно аккуратны. Принюхайся хоро-

шенько, разве здесь пахнет?

– Не пахнет, ну так здесь слуг сколько! Небось моют и трут целыми днями, богатые могут себе позволить кошек, собак, даже крокодила... А мы малообеспеченные, нам на себя не хватает. Знаешь, какая у меня зарплата, у младшего научного сотрудника?

– Ну ладно, ладно, – попыталась я успокоить спорящих, – закончишь институт, найдешь хорошую работу, будешь обеспечен.

Дима не мигая уставился на меня:

– Как это закончишь институт? Да я уже давно кандидат наук!

– Сколько же тебе лет? – вырвалось у Наташки.

– Тридцать, а что?

Повисла пауза. Неловкость замяла Оксана:

– Интересное дело, мы что, сюда просто так приехали? Надо искать место для отдыха. Ну-ка, дети, поищите рекламные проспекты.

Время до обеда ушло на разглядывание разноцветных журналов. Фотографии отелей, пляжей – яркое солнце, синее море... Задача оказалась сложной – то, что нравилось нам с Марусей, было явно не по карману Оксане, а то, что ей подходило, к сожалению, мне казалось слишком убогим. Проще всего было бы поехать нам всем вместе в приличный отель за мой счет, но самолюбивая Оксана ни за что не взяла бы денег просто так, только в долг! В долг, и точка. Как ни

странно, но выход из этого безнадежного положения нашел Дима.

– А вот мой приятель с женой, – произнес он тягучим голосом, – отдыхал в Тунисе, отель «Совива», такой кайф! Там самый большой аквапарк в Африке, горки всякие, водопады, гидромассажи...

– Хотим туда! – в один голос запищали Маня и Денис.

– Тунис, говоришь, – протянула Оксана. – Ну, посмотрим Тунис.

И мы начали опять перелистывать проспекты. И тут же, к общему удивлению, нашли отель «Совива». Фотографии понравились всем – гигантский бассейн с разнообразными аттракционами, номера с удобствами, пляж с шезлонгами... И цена, цена более чем низкая, что и показалось мне подзрительным.

– Мамочка, мамусечка, – жарко зашептала в ухо Маша, – давай поедem туда, у Оксаны ведь денег немного, ну согласись, пожалуйста!

Я посмотрела на Дениску и Оксану и вздохнула:

– Вот что, давайте собирайтесь в агентство, и закажем сразу четыре путевки!

– Как? – удивился Дима. – Почему четыре, а я?

– А я думала, ты в Париж на экскурсию приехал, – вырвалось у меня.

– Я отдыхать приехал, – надулся Дима, – мама говорила, что вы погостить пригласили, а сами куда-то уезжать собра-

лись! Как это я тут останусь!

«А ведь он прав», – подумала я и представила, как возвращаются Аркашка с Олей и находят это сокровище. Да потом хоть домой не возвращайся, дети меня съедят или, что вероятнее всего, съедят бедного неумеху. Придется взять его с собой, хотя отдых, конечно, окажется более чем специфическим.

Наташка хмыкнула:

– А что, Анна Михайловна думала, мы будем тут с тобой все время возиться?

– Ладно, ладно, – примирительно сказала я, – поедем вместе в агентство.

В фирму «Эль Тунис» мы добрались после обеда. Нас встретили с восточным радушием и многословием. Широко улыбаясь, служащие принесли кофе и начали расхваливать «Совиву». Через полчаса голова пошла кругом. Кареглазые и белозубые менеджеры трещали без умолку, обещая совершенно невероятные наслаждения: восточные бани, экскурсию в Карфаген, рейд по Сахаре на верблюдах, катания на катамаранах... Окончательно сломила трехпроцентная скидка.

– Это только для вас, – вкрадчиво шелестел один из клерков по имени Ахмед, – для таких милых и приятных людей, вы нам так понравились, прелестные, сладкие дети...

И он со вкусом ущипнул Машку за щеку. Дениска подскокил на стуле:

– Нет, зачем руки-то распускать.

Не понимающий по-русски Ахмед продолжал качать головой и причмокивать губами:

– А мальчику понравится полет на парашюте над морем.

И он включил видеокассету. Дениска заворуженно уставился на экран, потом умоляюще взглянул на Оксану. Та засмеялась:

– Ну ладно, ладно, едем.

– Ура! – завопили детки.

Ахмед еще больше разулыбался. Я изумленно смотрела на его зубы, казалось, их не 32, а 64, и все такие белые, ровные – жуть. Из транса вывел Дима:

– А сколько звезд у гостиницы?

– Три, – вздохнул Ахмед. – Но просто потому, что в Тунисе очень придиричивы к сервису. Где-нибудь в Турции «Совива» сойдет за пятизвездочный отель.

– Помойка, – резюмировал Дима.

– Знаешь что, – вкрадчиво пропела Оксана, – мы поедем в «Совиву», а ты, если хочешь, можешь купить себе любую путевку, в другой отель, совсем необязательно ехать с нами. Позвони маме, посоветуйся, попроси денег.

– Я поеду с вами, – быстро сказал Дима.

Со сказочной быстротой мы оформили все необходимые документы и вышли на улицу.

– А теперь, – радостно сказала Маня, – мы с Деней пойдем гулять.

– Марусенька, – спросила я ее, – ты помнишь, Дениска не говорит по-французски?

– Как это не говорю, – возмутился наш ветеринар, – я пять лет в школе его долбил.

– А куда вы пойдете? – поинтересовалась Оксана.

– Сначала на набережную, где зоомагазины, а потом прогуляем по центру, – доложились Манюня.

Пока Оксанка внушала Денису, как он должен себя вести и почему ему следует слушаться Машку, та тихонько шепнула:

– Мамунь, дай кредитку.

– Бери, моя радость, только сомневаюсь, что тебе удастся склонить Деньку к покупкам.

Маруська загадочно ухмыльнулась, карточка переключалась в ее карман, и сладкая парочка двинулась в сторону метро. Мы остались втроем. Оксана посмотрела на Диму и вздохнула, я поняла ее без слов.

– Дима, а ты взял с собой необходимые вещи для летнего отдыха?

Тот хмыкнул:

– А чего мне надо? Джинсы вот есть, футболка, сандалии, чего еще-то?

– Знаешь, – шипела я, – мы с тобой сейчас поедем в магазин и купим тебе все, что сочтем нужным, чтобы ты не позорил нас своим видом, и не смей со мной спорить!

– А я и не собирался, – сказал недотепа.

Следующие три часа потратили на экипировку подкидыша. Купили белые брюки и новые джинсы, несколько рубашек и футболок, ветровку, шорты, плавки, легкие полубоотинки и пляжные тапочки, кепку, трусы, носки. Прибывшее из Москвы рублище я демонстративно сунула в руки продавщице и велела сжечь. На улицу мы вывели почти красавца. Следующий визит состоялся в парикмахерскую. Оставив сокровище на попечение мастера, мы с Оксаной уселись на веранде в кафе и посмотрели друг на друга.

– Ну, здравствуй, – сказала Оксана, – наконец-то остались одни.

Целый час она рассказывала о московских новостях, о своих собаках... С трудом оторвавшись друг от друга, мы вспомнили про Диму и пошли в парикмахерскую.

– Смотри-ка, – проговорила Оксана, – а ведь еще не постригли!

В этот момент в маленьком кафе возле парикмахерской раздался женский крик. Мы посмотрели туда. Светловолосый молодой француз, поднимаясь из-за столика, опрокинул чашку с кофе на пожилую даму. Та возмущенно размахивала руками. Француз кланялся, как заведенный, и не говорил ни слова в свое оправдание.

«Немой, что ли?» – подумала я.

– Нет, посмотри, – изумленно протянула Оксана, – нет, ты посмотри на это видение.

Провинившийся француз, сияя белозубой улыбкой, шел к

нам. Тонкая вельветовая рубашка обтягивала широкие плечи, ловко сидящие джинсы подчеркивали стройные бедра. Волосы цвета спелой пшеницы, нежный овал лица делали его похожим на топ-модель. И только тогда, когда эта ожившая картинка из журнала мод подошла к нам вплотную, я узнала Диму. Мастера из салона «Анриетта» не зря брали деньги.

– Вот, – проговорил неумеха, – велели надеть эту рубашку и джинсы.

– Потрясающе выглядишь, – вымолвила Оксана, – это же надо так измениться! Одень пенек, будет как майский денек.

Домой мы приехали около восьми вечера; возле парадного входа стояло такси, почти доверху набитое покупками. Возбужденные Денис и Маня таскали в дом свертки и пакеты.

– Мамулечка, – заорала радостная Маня, – представляешь, какая с нами штука приключилась! Пошли мы в «Галери Лафайет», чтобы купальник купить, таскаемся по отделу женского белья, и вдруг радио объявляет, что иностранный турист, паспорт которого содержит цифры 25678, получит подарок от универмага. Открыли Денькин паспорт, а там как раз – 25678. Представляешь? Мы бегом в администрацию, а там паспорт посмотрели и сказали, что у нас есть час. Все, что мы за это время возьмем с полок и принесем к кассе, нам отдадут просто так!

Я посмотрела на Манюню с глубоким уважением. Надо же такое придумать! Да еще и договориться с менеджерами, и

потихоньку все оплатить! Обманутый Дениска сиял от счастья. Оксана подозрительно посмотрела на меня:

– И часто такие вещи здесь практикуются?

– Понимаешь, крупные универмаги привлекают таким образом клиентов. Могут придумать бог знает что, чтобы увеличить товарооборот...

Я постаралась придать голосу убедительность. Надеюсь, Оксана никогда не узнает, что «Галери Лафайет» подобных шуток не устраивает. Сезонные распродажи – сколько угодно! Но разрешить лазать по отделам целый час, да еще и бесплатно, такого не бывало никогда.

Дети продолжали таскать покупки в дом. Краем глаза я увидела коробку с кинокамерой, пакеты с платьями и бельем для Оксаны, разноцветные пуловеры, джинсы, кроссовки... Машка оторвалась по полной программе.

## Глава 4

Сейчас, вспоминая все подробности этой истории, я понимаю, что самым приятным и спокойным во время поездки в Тунис был полет на отдых. Хотя, загрузившись наконец в самолет, я буквально кипела от злости.

Дениска с Машкой начали ссориться еще дома. С самого утра перед выездом Манюня горестно посмотрела на свою ногу и вздохнула:

– Ну почему у меня колготки всегда рвутся в одном и том же месте – на больших пальцах?

Денька поглядел поверх кружки:

– Слушай, а ты не пробовала ногти на ногах стричь?

– Ну ты козел! – завопило мое чадо и швырнуло в парнишку блинчиком.

Сладкий кусок теста шлепнулся на ковер, у самой морды Снапа. Обиженный Банди тут же подбежал к столу в надежде на такое же лакомство и случайно подскочил к Диме. Тот с перепугу дернул рукой и пролил горячий кофе прямо на морду ничего не подозревавшего пита. Раздался отчаянный собачий визг. Дениска и Машка кинулись утешать пострадавшего Банди. Дима попытался промокнуть лужу кофе на ковре салфеткой, и из кармана его рубашки вывалился паспорт, плюхнувшись в коричневую жижу. В разгар суматохи появилась Софи и с присущей ей невозмутимостью заявила,

что до отлета самолета осталось всего полтора часа.

Судорожно похватав чемоданы, мы загрузились в «Рено», и Наташка помчалась в аэропорт. Расталкивая всех, мы ворвались в зал отлета, как раз когда радио сообщало об окончании посадки на наш рейс.

Кое-как сдав багаж, мы рухнули в кресла, стараясь отдышаться. Снимая пиджак, я обнаружила в кармане ключи от «Рено». И представила себе стоящую сейчас на парковке, ругающуюся на двух языках Наташку. Тут я со стоном пристегнула ремень, и самолет взлетел.

Дальше все, как ни странно, шло расчудесно. Удивительно, но это почему-то меня не насторожило. Я наслаждалась вкусным обедом и пирожными. Ничто, казалось, не предвещало неприятностей.

В Тунисе нас встречали представители отеля. Раскаленная жара упала на головы, словно удар.

– Боже, вздуваюсь, как безе, – простонала Оксана и вскочила в автобус.

До отеля добирались минут двадцать, чахлая растительность и сплошные гостиницы, в общем, ничего интересного.

Холл «Совивы» был выполнен в типично мавританском стиле – мозаичные стены и потолок, низкие диваны с креслами, и кругом тьма-тьмущая разнообразных столов и столиков. Одна стена, сплошь из стекла, выдавалась на бассейн, и взору открылись гигантские горки и водопады.

– Здорово, – вздохнула облегченно Оксанка, – правда, Де-

ниска?

Но мальчик не отвечал. Мы с Оксаной обернулись – за нашими спинами сиротливо лежали две кучки одежды – брюки и майка Дениса, шорты и топик Мани...

– Во дают, – сказала Оксана, – и где теперь их искать? Даже кремом не намазались, сгорят ведь!

В этот момент в бассейне выключили музыку.

– Ну ты козел! – понесся над пляжем ликующий Машкин голос.

– Ладно, – вздохнула Оксана, – детей нашли, пошли устраиваться.

Мы оттащили сумки в номера и, надев купальники, лениво двинулись по периметру бассейна. Над водной чашей звучал интернациональный смех и визг. Под полосатыми грибами, на шезлонгах и матрасах, а то и просто на полотенцах валялись человеческие тела разной степени обжаренности.

– Мамочка! – услышала я счастливый визг.

Мокрые Маня с Денисом махали руками. Они заняли места под большим соломенным тентом, чуть в стороне от основной массы отдыхающих. Новости выливались из них рекой. Значит, так, местные деньги называются динары. За три динара можно купить мороженое прямо здесь, а за один через дорогу. Горок в бассейне шесть, у правого бортика есть гидромассаж, это кайф. А слева – «быстрая дорожка». В десять утра делают гимнастику, а в барах на пляже продают блинчики, еще есть три пиццерии, сувенирные лавки, а на

море катают на водном мотоцикле, «банане» и катерах, и еще можно полетать на парашюте!!! И они хотят это все сразу!!! Прямо сейчас!!! Срочно!!!

– Ладно, – сказала Оксана, – получите все, но сначала надо намазаться защитным кремом.

Мы вытащили из сумок абсолютно одинаковые флаконы с «Амбрэ Солэр» и расхохотались. Ну как же шагнул прогресс! И в Москве, и в Париже покупаем теперь одинаковую косметику.

– Над чем так звонко смеетесь? – раздался Димин голос.

Мы посмотрели на него и промолчали.

– Ладно, пойду окунусь с мелкими, – вздохнул подкидыш и двинулся вместе с ребятами к бассейну.

Мы молча смотрели им вслед. Под загоревшей Диминой кожей переливались литые мускулы, длинные ноги несли тренированный торс с грацией тигра.

– Да, – протянула Оксана, – скажу тебе как хирург, он профессионально занимался спортом, причем скорее всего борьбой, или карате, или вообще каким-нибудь боевым видом. Посмотри, двигается, как кошка. Даже странно, что при совершенной координации движений такой неловкий! И загореть уже где-то успел!

Словно услышав хвалебные речи в свой адрес, Дима споткнулся о шезлонг и уронил чье-то полотенце. Мы улеглись на матрасы. Двигаться совершенно не хотелось, даже газеты читать было лень. Рядом, накрыв лицо соломенной шляпой,

дремал мужичок. С топотом пронеслись дети, расшвыряв из сумок полотенца, флаконы с кремом, мое вязание и Оксанин детектив, они унеслись обедать в ресторан.

– Я не пойду обедать, – лениво сказала Оксана, – буду лежать вот так три дня без движения.

– Представляешь, а в твоей больнице сейчас кто-то делает операцию!

– И никаких щитовидных желез, – оживилась подружка, – никаких гормональных инъекций и распадающихся опухолей... Господи, счастье-то какое.

Примерно с час полежали молча, потом пошли плавать. Теплая вода ласково покачивала две тушки. Оксана посмотрела на шезлонги:

– Кто это там сидит?

– Да пусть сидит, здесь не воруют!

– Ну, все-таки интересно, кто это?

Я прищурилась:

– Да это же Дима, просто он купил себе шляпу, а разговаривает с нашим соседом.

Оксана нырнула в воду, а я села на бортик и свесила ноги, до чего же хорошо, просто рай! И это был последний раз, когда я так подумала.

Через какое-то время мы собрали свои вещи и побрели пить кофе. Детей не было ни видно, ни слышно, куда-то подевался Оксанин кошелек. Когда спустя час мы вернулись, Оксанин кошелек лежал на месте, зато исчез мой.

– До шести тратят мои деньги, а после шести твои, – догадалась Оксанка. – А этот даже не пошевелился!

Я посмотрела на мужичка. Он по-прежнему лежал на спине, прикрыв лицо шляпой и как-то странно подвернув ногу. Солнце переместилось, его лучи достигали теперь шезлонгов. Впрочем, меня не касается, кто как проводит время, лишь бы нам не мешали. С этими мыслями я легла на матрас и заснула.

Проснулась я оттого, что по моему лицу текли струи воды. Это расшалившиеся детки лили на мои разомлевшие члены воду из бутылки. Оксана радостно подхихикивала:

– На живот, на живот налей.

Я изловчилась и ухватила Дениску за руку, он запищал и стал вырываться. Бутылка выскользнула и, описав ровную дугу, шлепнулась соседу прямо на живот. Мы замерли, но мужичок даже не шелохнулся. Он лежал все так же на спине, с лицом, закрытым шляпой, и странно подвернутой ногой.

– Месье, – робко позвала его я, – месье, простите нас.

Оксана решительно подошла к лежаку, приподняла шляпу, потом опустила ее и бесстрастным голосом хирурга констатировала: «Exitus letales».

– Что, что? – не поняла Маня.

Зато Денис понял сразу, ухватил Маруську за руку и повел в номер. В трудную минуту на Дениску всегда можно положиться.

Пришлось обратиться в администрацию. У стойки

«Ресерсiон» скучал портье.

– У вас на пляже труп, – тихо сказала я.

Араб медленно поднял голову от газеты:

– Сейчас посмотрю, в каком номере он живет. Вы говорите, месье Труп?

– Нет, просто труп, без месье, то есть его, конечно, как-то зовут, но сейчас просто труп.

– Просто труп, – протянул араб, листая большую книгу. Внезапно его глаза широко раскрылись. – Просто труп, то есть вы имеете в виду мертвец?

Я радостно закивала головой, наконец-то до него дошло! Портье схватил телефонную трубку и затарахтел со скоростью пулемета, слова вылетали из его рта тучами. Не успел он бросить трубку, как из небольшой дверки выскочил другой араб и на безукоризненном французском спросил:

– Где вы спрятали труп?

Вот те на!

– Я не прятала труп, а обнаружила!

Следующий день мы с Оксанкой провели в полицейском управлении, отвечая на бесконечные и однообразные вопросы. «Как зовут? Откуда приехали? Как обнаружили тело?» Вопросы задавались тягуче, арабы потели и скучали. Они радостно сообщили, что покойного звали Роуэн, Франциск Роуэн, что сам он родом из Парижа, и даже назвали его адрес.

Полицейские поведали, что выстрел в лоб, которым уби-

ли Роуэна, был произведен в упор. То есть кто-то подошел, продырявил лоб и потом, прикрыв шляпой лицо покойного, спокойно ушел. Причем выяснить, когда это сделали, было очень трудно, так как на пляже жарко и тело практически не остыло. Болтая, полицейские составили бессчетное число протоколов и отвезли нас в «Совиву».

Маня и Денис, радостно улыбаясь, ныряли в бассейне. Оксана присоединилась к детям, я же пошла в номер.

Открывшийся моим глазам вид напоминал битву при Калке или, если хотите, танковое сражение под Прохоровкой. Кровати перевернуты, постельное белье комом гнездится на полу, распоротые подушки валяются на балконе. Все наши с Машей вещи распороты и грудой цветных лохмотьев валяются на полу ванной. Неизвестный вандал выдрал даже страницы из журнала «Космополитен»...

Полная негодования, я ринулась к портю. После пятнадцатиминутного скандала администратор гостиницы и старшая горничная двинулись в номер. Постояв несколько минут в молчании, администратор задумчиво произнес:

– А вы уверены, что это сделали наши служащие?

– А вы думаете, что я сошла с ума и сначала испортила все вещи, а потом принялась за подушки? И потом, я весь день провела в полицейском управлении, даже не была на пляже. Кстати, представляете, какой переполох поднимется, если мы расскажем об убийстве?

Администратор стал белее обезжиренного кефира.

– Мадам, умоляю, никому ни слова. Сейчас же все уберем. Вас отвезут в торговый центр и...

В этот момент ворвались Денис и Маня.

– У нас в номере... – начал Денис и остановился.

– У нас тоже, – протянула Маня.

Служащие понеслись в Оксанин номер, я за ними. Там была та же картина.

Понятно, что обедать отправились в мрачном настроении. Наш стол поражал красотой. В центре красовалась бутылка «Дом Периньон», рядом восседала ледяная русалка, под ней уютно устроился салат. Отдыхающие с интересом поглядывали в нашу сторону. Управляющий явно подлизывался, надеясь на молчание.

– Ну и роскошь, – процедил Дима, – представляете, захожу в номер, а там...

– Погром в Жмеринке, – закончил Денька.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно прищурился Дима.

Мы все захохотали. Несмотря на обилие деликатесов, обед прошел мрачно.

Чуть позднее нас на автобусе отвезли в торговый центр. Служащий гостиницы без конца повторял, что все покупки оплатит отель. В результате мы накупили кучу нужных и ненужных вещей, а Деня с Марусей ухватили трехметрового надувного крокодила.

Следующие две недели пролетели безоблачно только для

Дени и Мани. Мы же с Оксанкой нетерпеливо ждали конца путешествия. Но все когда-нибудь заканчивается, завершился и отдых. Утром начали складывать сумки.

– Мам, – спросила Маша, – сколько флаконов «Амбрэ Солэр» ты купила?

– Один, а что?

– А теперь их два, причем один совсем полный.

– Наверное, это Оксанин.

Неленивая Маруська понеслась в соседние апартаменты. Вернулась она вместе с Оксаной.

– Мой «Амбрэ Солэр» на месте, я его почти весь вымазала.

Мы уставились на лишний флакон.

– Наверное, утащили чужой на пляже, – сказала Оксана, – ну и что теперь делать?

– А ничего, – сказала Маня, – взять себе, нет, лучше отдать Оксане. Дениска поедет в августе в Болгарию, вот и будет мазаться.

Флакон перекочевал в Оксанин карман.

Париж встретил холодной ветреной погодой. Ив приветливо махал рукой.

– А где Наташка?

– Мадам уехала в Сен-Тропез, пробудет там несколько недель.

– Дома все в порядке?

– Собаки здоровы, слуги тоже, Луи приготовил ужин. Как

отдохнули?

Мы заверили Ива, что провели время потрясающе.

В гостях хорошо, а дома лучше. Эту ходульную истину я повторяла все время, пока распаковывала чемодан. Пришел черед и пляжной сумки. За две недели в Тунисе так ни разу и не разобрали ее до конца. Что-то вытаскивали, что-то засовывали... Наконец добралась до пластикового доньшка и там обнаружила какой-то продолговатый предмет. Вытащила его и с изумлением уставилась на свой трофей. Большой золотой портсигар! На крышке выложены брильянтами инициалы F. R. На оборотной стороне гравировка – «Единственному Франциску от Каролины». Вот это да! Это вам не флакон с «Амбрэ Солэр», а очень дорогая вещь, скорее всего, от Картье или Тиффани... И как она ко мне попала? Где я ее украла?

Поразмыслив, я сообразила, что к чему. Убитого мужчину звали Франциск Роуэн. Очевидно, когда мы впопыхах собирали свою сумку, то случайно прихватили его портсигар, или он сам уронил его в нашу сумку, или я не знаю, как это получилось, но портсигар здесь. И его надо вернуть родственникам, вещь очень дорогая.

## Глава 5

Спустя неделю Оксана, Дениска и Дима улетели в Москву. Проводив их, я порулила к первой попавшейся телефонной будке и стала рыться в справочнике. Франциск Роуэн оказался один, и адрес подходил для обладателя золотого портсигара.

Улица тихая, только частные дома, стоящие далеко от въездных ворот. Ни магазинов, ни закусочных, ни парикмахерских. За продуктами ездят экономки, а парикмахер приходит на дом. Дом Роуэна располагался в самом конце, в воротах виднелся домофон. Я нажала кнопку.

– Кто там? – прокаркал динамик.

– Мне необходимо передать мадам Роуэн посылку.

Нельзя сказать, что я покривила душой. Ведь портсигар тоже можно принять за посылку.

Калитка открылась. По дорожке, где по обеим сторонам были посажены огурцы, я прошествовала к особняку. Ну и чудак же был этот Роуэн, впервые вижу, чтобы подъездную дорожку украшали огурцами.

В дверях стояла девушка. Невысокого роста, щупленькая, настоящая «рюмочная болонка». Ни дорогой костюм, ни антикварный перстень на пальце не спасали положения. Лицо бесцветное, глаза блеклые, волосы жидкие и какие-то сальные. Вдобавок уши с целым состоянием в мочках непропор-

ционально велики. Мне показалось, что она одолжила их у тучного мужчины.

– Я Луиза Роуэн, – проговорила уродка неожиданно красивым, грудным голосом. – Давайте посылку!

– Вы жена Франциска Роуэна?

– Нет, дочь.

– Мне хочется поговорить с самой мадам Роуэн, видите ли, я случайно стала свидетельницей смерти вашего отца.

Луиза немного поколебалась, потом как-то нерешительно протянула:

– Мама очень плохо себя чувствует, но пройдите в дом, может, она спустится.

Девушка посторонилась, и я вошла в холл, заставленный диванами и креслами образца шестидесятых годов. Потертая обивка и вылезающий кое-где поролон явственно свидетельствовали о том, что мебель ни разу не перетягивали. Тут и там на специальных подставочках стояли цветочные горшки. Я пригляделась повнимательней, мне показалось, что в них растут укроп и петрушка.

Пройдя через холл, мы оказались в гостиной, очевидно предназначенной для деловых приемов. Слегка облупившиеся стены и потолок, а также выцветший ковер никак не вязались со стоявшей посреди комнаты роскошной белой кожаной мебелью... Дочь Роуэна, извинившись, вышла. Я осталась одна. Осквернить эти чудесные диван и кресла своим задом? Нет, просто невозможно!

Я подошла к окну. Вид огурцов по обе стороны дорожки был так нелеп, что я не сдержала смехок.

– Папа был чудаком, – раздался чей-то голос.

Я повернулась. В кресле сидела неизвестно откуда взявшаяся молодая женщина. Такая же маленькая, как Луиза, но плюньте в того, кто назвал бы ее тщедушной. Роскошные черные волосы ниспадали почти до талии, большие голубые глаза, красиво очерченный рот, миниатюрное личико, изящные руки, мини-юбка открывала взору точеные ножки. Девушка выглядела настоящей красавицей.

– Вас удивил огород за окном? – спросила она.

– Да, немного странно видеть огурцы там, где традиционно растут цветы.

– Огурцы – это только начало. Возле черного хода посажены кабачки, тыквы, морковь. Пока растения не поднялись, молочник страшно пугался. Грядки напоминали ему могилы, и он все время интересовался, кто похоронен у нас возле гаража.

– Ваш отец, очевидно, страстный огородник?

– Ничуть не бывало, просто феерический скупец.

– Глядя на мебель, в это трудно поверить.

Девушка заулыбалась:

– Белых чудовищ велел поставить в гостиной Пьер, муж Луизы.

– Муж Луизы?

Удивление, которое я испытала при мысли о том, что эта

бледная девица замужем, очевидно, отразилось на моем лице.

— А почему моей сестре не быть замужем, разве это противозаконно?

Не успела я ничего сказать, как в комнату ворвалась толпа людей. Все они одновременно стали задавать вопросы: кто я? Где посылка? Откуда знаю Роуэна? Кто дал их адрес?

Через секунду я разобралась, что вошедших всего четверо, просто голоса у них резкие, крикливые, как у пингвинов. Луиза, молодой мужчина, очевидно, ее муж, какой-то коротконогий тип и дама на вид лет сорока. Последняя, как подкошенная, рухнула в кресло. Шум утих. Коротконогий гневно посмотрел в мою сторону:

— Если велено передать посылку мадам Роуэн лично, то отдавайте ее и уходите!

Я села на диван и положила ногу на ногу. Терпеть не могу, когда со мной так разговаривают. Сейчас объясню, где раки зимуют. Протянув свою визитку, я открыла рот. К концу моей пространной речи их лица разгладились. Муж Луизы взял портсигар:

— Простите, мадам. Смерть тестя наделала много шума, нас без конца осаждали журналисты. Даже представить себе не можете, что они придумывали, чтобы попасть в дом! Поэтому мы так накинулись на вас!

Через несколько минут молодая горничная принесла бутылки с вином и блюдо с сырами.

Селина взяла портсигар:

– Вот уж не думала, что мама могла подарить отцу такой портсигар. Он, наверное, потом месяц ругался.

Коротконогий укоризненно посмотрел на нее:

– Селина! Как тебе не стыдно!

– А чего я должна стыдиться, мне жаль, что он не треснул лбом о баобаб, или что там росло на пути, на двадцать лет раньше!

Я с недоумением посмотрела на собравшихся. Вдова только вздохнула и пояснила:

– Милая, на нас последние месяцы сыплются одни неприятности. Некоторое время тому назад муж попал в автокатастрофу, врезался в дерево. После этого у него возникла амнезия. Правда, через несколько дней память вернулась, но это был уже не мой Франциск!

– И слава богу, – фыркнула Селина.

Пьер подошел ко мне:

– Простите, мадам, совершенно ни к чему слушать скандал. Разрешите, я отвезу вас домой.

Я сообщила, что у ворот стоит моя собственная машина, и откланялась.

## Глава 6

Первой, кого я увидела, придя домой, была Селина. – Ну вы и тащитесь на вашей тарахтелке, – выпалила она.

– А на чем летаете вы? На метле?

– На мотоцикле, – серьезно ответила красавица. – Мне очень надо с вами поговорить.

– О чем?

– Вы не слишком любезны!

– Ваша семья тоже не отличается приветливостью. Я привезла вам дорогую вещь, память о покойном, а меня просто-напросто выставили вон!

Селина схватила меня за руку:

– Ну, пожалуйста!

Мы прошли в кабинет, и девушка с завистью посмотрела на картины:

– Если бы не папина скупость, мы могли бы тоже так жить. Так нет же! Даже представить себе не можете, что он вытворял! А ведь почти в каждом доме в ванной торчали его зубные пасты!

– Подождите, подождите, так этот Франциск Роуэн, ваш отец, тот самый Роуэн, которому принадлежал концерн «Дентимал»? Я сама пользуюсь его зубной пастой.

– А вы не знали?

Я покачала головой. Откуда мне было знать. Мужчина в

соломенной шляпе не ассоциировался с богачом, скорее походил на мелкого клерка на отдыхе. Селина замахала руками:

– Вам трудно представить степень отцовской жадности. А когда Луиза убежала, разразился целый скандал!

– Куда убежала? – не удержалась я от вопроса.

– Погодите, об этом потом. В общем, папина скарედность достигала удивительных размеров и принимала чудовищные формы. Например, запрещалось покупать овощи. Все, что нужно для стола, следовало выращивать вокруг дома, и даже в цветочных горшках посеяли петрушку и шпинат. Причем, разведя огород, он не стал нанимать садовников, а заставил всю семью работать на прополке. Маму страшно злило, когда отец заводил разговор об овощах, выращенных собственными руками, об их неповторимом вкусе и аромате.

В детстве я донашивала вещи Луизы, а гостей у нас не бывало даже на Пасху. Какие там подружки или поездки на море! Все игрушки нам с сестрой покупал дедушка по материнской линии. Это страшно злило отца, он кричал, что дед не умеет ценить деньги, но старика эти вопли мало трогали. Потом дед скончался и завещал свой капитал мне и Луизе в равных долях. И вот тут моя сестрица решила выйти замуж.

С Пьером она познакомилась на занятиях в художественной студии. Когда отец узнал об их встречах, разразился настоящий скандал! Да и репутация жениха оказалась подмоченной. Поговаривали, будто он профессиональный игрок,

даже шулер. И денег у него не было никаких, ни сантима.

Но Луиза обвела отца вокруг пальца, правда, ей помогла мама. Не буду вдаваться в подробности, они поженились тайно и уехали в свадебное путешествие.

И только после их отъезда мама сообщила отцу. Того чуть удар не хватил, но сделать он ничего не мог. Луиза – совершеннолетняя и вырвалась на свободу. А вместе с Луизой уплыли и ее денежки.

Отец отказывался даже знакомиться с Пьером, но потом все же начал с ним здороваться сквозь зубы. Луиза все надеялась, что отношения наладятся и отец возьмет Пьера на работу. На Новый год они подарили эту белую мебель. Конечно, хотели задобрить папу, но вышло наоборот. После такого подарка он Пьера иначе, чем «негодяй-транжира», не называл. Луиза очень страдает, она любит Пьера.

Я поднялась с дивана:

– Все это, конечно, интересно, но к чему мне знать семейные тайны? Может, лучше сходить к психотерапевту?

У девушки от обиды задрожали губы, и она полезла за носовым платком. Мне стало не по себе. Ну зачем обижать ребенка? Может, ей не с кем поговорить, подруг нет. Полная раскаяния, я обняла Селину:

– Ну, ладно, прости.

Та нервно зашмыгала носом:

– Мне очень нужен совет, но обратиться не к кому. А у вас такое доброе лицо, ну вот и...

– Говори, говори, может, и правда сумею помочь.

– Я пострадала от замужества Луизы больше всех. Меня стали отпускать из дома только в лицей; я ждала, когда наконец мне исполнится 21 год, чтобы распоряжаться своим капиталом, но отец сообщил, что деньги вложены в ценные бумаги и продавать их он не собирается. Очень хотелось подать в суд, но мама не вынесла бы позора. О своих обидах я могу говорить бесконечно... Ну а потом вдруг все переменилось!

В свое время мама с отцом договорились раз в году отдыхать раздельно. Мама обычно отправлялась в Германию, а отец – в маленький дешевый отель.

– На свою жену Франциск денег не жалел?

Селина замахала руками:

– Что вы! Просто у мамы есть собственные деньги, ее обеспечила бабушка. Не понимаю, зачем она столько лет прожила с папой. Может, из-за того, что католичка! Ну да не в этом дело. Короче, отец поехал в «Зеленую хижину», мама – в Баден-Баден. Но фокус состоял в том, что домой они всегда возвращались в один и тот же день. А тут мама приехала, а отца нет и нет. К вечеру позвонили из полиции. Произошла автокатастрофа, а как следствие – амнезия.

Я слушала очень внимательно. Прележав несколько недель в больнице, Франциск Роуэн вернулся домой другим человеком. Амнезия стала проходить. Но он все время что-нибудь забывал. Стал курить другие сигареты, путал имена домочадцев. Чем дальше, тем чудней. Из скряги превратил-

ся в транжиру. Велел начать ремонт дома и заплатил вдвое дороже, чтобы его машину починили за неделю. Пригласил Пьера и Луизу к обеду и принялся ласково их расспрашивать о планах на будущее. После кофе преподнес подарок – назначил Пьера заместителем директора в своей фирме, а Луизе презентовал редкостные серьги. Предложил Селине выбирать университет по вкусу и оплатил обучение за три года вперед. Потом купил эгрет и кольцо для жены. И вообще, у них начался сумасшедший дом.

Франциск каждый день что-нибудь покупал: чайный сервиз, коробки конфет фунтов на восемь весом, сковородки, новый TV. Дальше – больше, торжественно привел нотариуса и огласил завещание. Деньги всем поровну, даже Пьер получил равную долю. В общем, после того как он треснул лбом о баобаб или что там росло у него на пути, его личность изменилась коренным образом. А психологи еще утверждают, что подобного не бывает.

– К тому же, – взволнованно трещала Селина, – он велел нанять садовника, чтобы тот уничтожил овощи и посадил цветы, как у всех. Ни за что бы не поверила, если бы не услышала собственными ушами. И притом у них с мамой просто начался медовый месяц. Он без конца осыпал ее подарками, покупал ей дорогое белье и платья и называл «пуксик».

Потом он решил посетить один из заводов на Севере и уехал, а через три дня сообщили, что он найден убитым на

пляже в Тунисе. Как вам это?

Я пожала плечами. Конечно, странновато, но говорят, черепно-мозговая травма еще не то с людьми делает.

– И тогда я пришла к выводу, – замогильным голосом сказала Селина, – что это не мой папа.

Дверь тихонько открылась, и в щель просунулась треугольная морда Банди.

– Ой, собачка, – обрадовалась девушка, – иди сюда.

Следом за Банди влез Снап, за ними шла Софи с подносом.

– Ваш кофе, мадам.

– Спасибо, Софи. Селина, вам с молоком?

– Нет, нет, пью только черный.

С этими словами она взяла чашку и, отломив кусок булочки, угостила Банди. Обиженный Снап заскулил. Селина рассмеялась и отдала ротвейлеру остаток. Преданно глядя ей в глаза, собаки легли на ковер.

– Чашку с кофе лучше держать подальше от Снапа, – посоветовала я, – а то сразу вылакает. А почему ты решила, что это не твой отец?

Селина отставила чашку.

– А что, мало рассказала? И потом, еще эта странная родинка.

– Какая родинка?

– Отец всегда довольно коротко стригся. А из больницы приехал с длинными волосами. Говорил, что специально от-

пустил их, чтобы скрыть швы от операции. Но я все равно заметила около уха довольно крупную родинку. А раньше ее не было. Мама объяснила, что у папы изменилась пигментация кожи и как результат – родинка. Я ей не поверила. И притом, он перестал мыться по вечерам. Раньше принимал душ по полтора часа, как шахтер, а потом вообще мыться перестал. Нет, это не мой отец. И вот теперь я думаю, а куда же делся папа, а?

Она замолчала. Повисшую тишину нарушало только мерное чавканье – это Снап добрался до нашего кофе.

## Глава 7

Когда в пять утра вас будит телефонный звонок, это, как правило, звонит неприятность. Вчера мы до поздней ночи проговорили с Селиной, бедному ребенку и правда не с кем было поделиться своими размышлениями. Девушка долго плакала и спрашивала, не пойти ли ей со своими подозрениями в полицию. Я позвонила своему другу комиссару Перье, который работал в департаменте полиции на набережной Орфевр. Но секретарь сообщила, что он в отпуске, и мы отложили поход в полицию на две недели.

Легла спать я поздно и полночи крутилась в постели, думая о всякой ерунде. Не люблю оставаться одна в доме. Наташка отдыхала в Сен-Тропезе, Оля с Аркадием укатили на озеро Лох-Несс, любоваться на всемирно известное чудовище, а Маню позвали в гости родители ее лицейской подруги. В трехэтажном особняке остались Софи, Луи и я, не считая кошек, собак и приходящей прислуги.

Поэтому, когда в пять утра зазвонил телефон, я поняла, что про меня вспомнили неприятности. Интересно, кто рвется приехать ко мне на этот раз?

Но это была Оксана. Голос ее, прорывавшийся сквозь города и страны, звучал как-то странно, напряженно и грустно.

– Дашка, у меня несчастье.

– Что случилось? – перепугалась я.

– Денис попал в сизо в 2.

– Куда?

– В сизо в 2, или Бутырскую тюрьму.

– Не вешай трубку! – заорала я не своим голосом. – Сегодня же прилечу в Москву, не предпринимай никаких действий, наймем лучшего адвоката, ни о чем не волнуйся.

Но в трубке уже раздавались короткие гудки. Я дернула звонок. Появилась Софи в халате. Изумленно поглядела на меня:

– Что случилось, мадам?

– Срочно вылетаю в Москву, первым же рейсом, на который успею. Когда вернусь, не знаю, предупреди домашних и проследи, чтобы все было в порядке. А сейчас еду в банк...

– Мадам, – перебила меня невозмутимая, как всегда, Софи, – сейчас половина шестого утра, и банки еще закрыты, а вот в аэропорт можно позвонить, там дают справки круглосуточно.

Я схватилась за телефон. Милый голос сообщил, что буду в Москве в два часа дня, если успею на транзитный самолет из Лондона. Заказав билет и немного успокоившись, стала собираться.

Москва встретила меня проливным дождем. Ну почему это в родимом Отечестве всегда плохая погода и очереди? Разве нельзя открыть все стойки паспортного контроля, чтобы прилетевшие не стояли в жуткой духоте к одному пограничнику, и что мешает купить побольше тележек для багажа.

Кстати, только в России они платные, даже в супербедном Тунисе ими можно пользоваться просто так.

Оксаны дома не было. Но ключ, как обычно, лежал под ковриком. Я открыла дверь. Рейчел, стаффордширская терьерка, бросилась ко мне с визгом, из кухни выскочили два скотчтерьера: Бетти и Пеша. Они принялись крутиться около ног, а я гладила их нежные, шелковые шкурки. От собак пахло чем-то вкусным, удивительно домашним, каким-то шампунем и печеньем.

В квартире царил ужасный беспорядок. На диване и кресле в большой комнате грудились вещи, у Дениски в комнате все было разбросано. Я удивилась: Оксанка патологически аккуратна, и такое на нее совершенно не похоже. Делать нечего, придется ждать хозяйку. Та вернулась около девяти вечера. Вялая, бледная, ненакрашенная, она опустилась на табуретку у входа и заплакала, увидев меня. Я потрясла ее за плечи:

– Хватит рыдать. Выкладывай, что произошло.

Оксанка еще раз всхлипнула и стала рассказывать:

– Дней десять тому назад я пришла с работы и обалдела. Все вещи из шкафов вытряхнуты, книги валяются на полу, даже розетки отвернули и плафоны сняли. Развинтили, разобрали все, но ничего не украли. Я вызвала милицию, а там сказали, что если ничего не пропало, то дело заводить не будут. Кое-как мы с Денькой все прибрали.

– А где же были собаки?

– Не поверишь, в них выстрелили шприцем со снотворным, и они спали потом почти двое суток. Убивать почему-то не захотели. А на следующий день раздался звонок, и тихий, вежливый женский голос велел отдать «то, что у вас есть, а то хуже будет». Я спросила, что у меня есть, но они ничего не ответили и швырнули трубку. Потом позвонили опять, я взмолилась: «Ну скажите, ради бога, что у меня есть?» Женщина в трубке помолчала, потом сказала: «Вы сделали свой выбор», – и отключилась.

Всхлипывая, Оксана заварила кофе, рассказ ее поразил меня своей безысходностью.

Неделю все было тихо, и вдруг в семь утра врывается милиция. Три толстых, как кабаны, милиционера ловко справились с миниатюрной женщиной и мальчишкой. Дениске предъявили обвинение в «изнасиловании несовершеннолетней Елены Козловой, 16 лет». Ничего не понимающего мальчика оттащили в сизо ь 2, или в следственный изолятор, который в народе именуют «Бутырка». Дело ведет следователь Иса Даудович.

Гадко ухмыляясь, он показал Оксанке акт медицинской экспертизы. Несовершеннолетняя Козлова была совершенно зверским образом избита. Целую страницу занимало описание кровоподтеков, синяков и шишек.

– Ну не мог Дениска такого совершить, – повторяла подруга.

Действительно, не мог. Просматривая акт об изнасилова-

нии, Оксанка запомнила адрес потерпевшей и отправилась к ней домой.

Та жила на Красной Пресне в коммунальной квартире. Дверь открыл пьяноватый парень лет тридцати. У Оксанки хватило ума не объяснять, зачем пришла. Мигом сориентировавшись, она представилась учительницей из техникума, «где учится Лена Козлова».

Парень показал комнату. Оксанка толкнула дверь и обнаружила несовершеннолетнюю потерпевшую в совершенно пьяном виде на кровати, на которой белье, очевидно, меняли раз в год. На полу стояла куча пустых бутылок, на столе валялись остатки прокисшей еды. В спертom, затхлом воздухе, казалось, не было ни глотка кислорода, на тумбочке красовалось грязное полотенце со следами крови.

Несовершеннолетняя Козлова храпела, как пьяная корова, и не реагировала на внешние раздражители. Оксана вышла из комнаты, и «веселый» сосед сказал, что, если она ищет девочку, он приведет через двадцать минут. Из всего увиденного и услышанного Оксюта сделала вывод, что Елена Козлова – проститутка и ее насилюют давно и долго. С этими сведениями она рванулась назад в милицию к следователю. Тот, продолжая гадко улыбаться, сообщил, что надо было хорошо воспитывать сына, что проститутка – тоже человек и что медицинская экспертиза подтвердила факт изнасилования. Сверкая золотым перстнем, он подмигнул Оксане и начал в подробностях рассказывать, что сделают с Денькой

сокамерники.

– Ох, не любят в тюрьме эту статью, ох, не любят, – качал он черноволосой головой.

После всех этих событий, абсолютно больная, подруга ввалилась домой, где и нашла меня сидящей на груди разбросанных вещей.

В этот момент зазвонил телефон. Я схватила трубку.

– Оксана Степановна? – осведомилась мембрана.

– Да.

– Что же вы не хотите отдать чужое добро? И не бегайте больше к Козловой на дом, можете сломать красивую шею, дети сиротами останутся, собаки передохнут, – издевался мужской хрипловатый голос.

– Что нужно отдать?

– Ну, милая, ты даешь. Верни слезы, а то хуже будет. – И трубка противно запищала.

Мы с Оксанкой уставились друг на друга. Какие такие слезы?

Ночь была бессонной, мы обсуждали разнообразные варианты и поняли, что Денька – фишка в какой-то непонятной игре. Ясно и то, что следователь Иса Даудович нечист на руку. Ну кто сообщил неизвестным бандитам о визите на Красную Пресню?

Рано утром, в пять часов, я тихонько выбралась из квартиры и поехала в гостиницу. Мы придумали план, гениальный, как все простое, поэтому мой визит в Москву следова-

ло держать в тайне.

Выйдя на улицу, я огляделась: никого. Значит, за квартирой не следят. Получив номер в отеле, я отправилась на разведку в Бутырскую тюрьму.

Новослободская улица, д.45, навряд ли забуду когда-нибудь этот адрес. В тихий утренний час у тюрьмы, скрытой во дворе большого кирпичного дома, толпился народ. Почти все с гигантскими сумками в руках.

За двадцать минут я обросла сведениями. Все продукты надо развернуть и разложить по пакетам, сигареты тоже без пачек, яблоки можно, а апельсины нельзя. Сахар только в виде песка, кусок не берут. Мыло, пожалуйста, но шампунь ни за что. А если хотите, передавайте ведро и таз, но только с разрешения начальника тюрьмы, а к нему на прием многокилометровая очередь. На лекарства отдельная передача, записываться за неделю. Причем можно только отечественные препараты, витамины, аспирин – ничего импортного. Это ли не пример патриотизма! На робкие вопросы, начинавшиеся словами «почему?», спрошенные в ответ либо дико хохотали, либо сочувственно говорили: «Вы в первый раз, да?»

В восемь утра узкая дверка приоткрылась, и толпа ломанулась внутрь. Людским потоком меня внесло в длинное помещение с окошком. Случайно я оказалась первой. Окошко распахнулось и явило взору девицу лет тридцати в гимнастерке. Ни крутая завивка, ни яркая косметика не могли сделать ее хоть сколько-нибудь привлекательной. Маленькие

глазки буравчиками воткнулись в мое лицо:

– Имя?

– Дарья.

– Женщины в другом изоляторе. Следующий.

– Простите, я не поняла. Денис.

– Отчество?

– Иванович.

– Фамилия?

С перепугу я чуть было опять не назвала свою.

– Год рождения?

– 1982-й, нет, 1984-й.

Порывшись в картотеке, женщина-робот выкинула бумажку. Отойдя в сторону, я изучила ее – бланк на передачу вещей и продуктов. Сверху красной ручкой проставлена цифра 100. Словоохотливые товарищи по несчастью сообщили, что это номер камеры. Тут же обнаружились родители сокамерников. Я смотрела на них с изумлением. Еще один удар по самолюбию – всегда считала, что в тюрьме одни бандиты и родственники у них соответственные. А тут стояли просто несчастные, издерганные люди, такие же, как я.

С треском распахнулось еще одно окно, оттуда раздался голос:

– Павлова!

Какая-то вспотевшая женщина поволокла к окну баулы. Я исхитрилась оказаться у окошка раньше.

– Простите, дали бланк, а продуктов нет, как...

– Передачи до трех, – отрезала блондинка, как две капли воды похожая на предыдущую.

– Но у меня спецразрешение, – нагло заявила я и протянула ей сто долларов в конверте.

Бросив быстрый взгляд внутрь конверта, блондинка расцвела и повела себя загадочно.

– Надо сразу говорить, что у вас разрешение врача на спецпередачу, – пролаяла она грубым голосом, улыбаясь во весь рот. – Возьмите и заполните.

И она сунула мне бумажку. Я отошла к окну и прочитала записку: «15.00, передача для obsługi, позвать Марину Кашину».

В три часа дня, с сумкой, набитой продуктами, я вновь стояла в том же зале. Народу не было. Окошки закрыты, полная тишина. Внезапно в самом конце открылась маленькая дверца.

– Тебе чего, мамаша? – спросила высунувшаяся голова.

– Передача для obsługi, позовите Марину Кашину.

Голова понимающе кивнула. Через несколько секунд окошко отворилось, и появилась третья блондинка. У них что, белокурые волосы с кудрями – признак профессиональной пригодности?

– Давай, – коротко сказала Марина.

Я вывалила перед ней груды вещей и продуктов.

– Дезодорант не возьму, – отрезала стражница.

Я быстро протянула ей следующий конверт. Дезодорант

перекочевал в мешок, а с ним и запрещенный одеколон, сосиски и многое другое.

– Давай маляву, – требовательно велела служительница.

– Что? – удивилась я.

– Маляву, ну записку, не понимаешь?

Пришлось нацарапать пару слов на протянутом обрывке бумаги.

– Жди, – раздался короткий приказ.

Минут через сорок окошко снова приоткрылось.

– На! – Мне в руки упала записочка.

Я прочитала ее на улице: «Продукты получил, все в порядке. Денис». Внизу другим почерком написано: «Вторник, 15.00, передача для obsługi. Елена Зверева». Значит, во вторник, через неделю, можно повторить передачу. Да, шорох зеленых купюр решает в родном Отечестве все.

Из тюрьмы я отправилась к Жене Яшину. Когда-то, сто лет тому назад, мы учились в одном классе, и конопатый Женька бессовестно списывал у меня уроки. Теперь он превратился в дородного Евгения Андреевича, преуспевающего и жуликоватого заведующего адвокатской конторой. В ответ на мои просьбы он в ужасе замахал веснушчатыми руками:

– Нет, ни за что на свете.

Я вздохнула, эти слова слышала уже не в первый раз. Есть у меня свои аргументы – коллекция портретов американских президентов. Пришлось просидеть у Женьки часа четыре, но к вечеру я была обладательницей бесценных адвокатских

удостоверений и одного волшебного телефона.

Ночью связалась с Оксаной:

– Позовите Дениса, пожалуйста.

– Он уехал на рыбалку.

Так, значит, все идет по плану. На следующий день утром мой путь лежал к киностудии «Мосфильм».

Потолкавшись в бесконечных павильонах, я нашла нужного человека – гримера Леню Золотова. Тот, правда, сначала тоже пытался отнекиваться, но «сумма прописью» решила все.

## Глава 8

Следующий день завершился коротким визитом в однокомнатную квартиру в одной из новостроек Москвы.

Парнишка, открывший дверь, невысокого роста, белобрысый, тянул лет на семнадцать, хотя я точно знала, что за его плечами двенадцать лет отсидки по зонам и тюрьмам.

– Ты, что ль, мамаша, от Евгения Андреевича? – зевая, спросил хозяин.

– Я.

– Ну, проходи!

Следующие два часа мы торговались и договаривались, и где-то в десять часов вечера был вызван Леня Золотов.

С собой гример принес небольшой чемоданчик. На столе ждала фотография Дениски, сделанная год назад для выпускного альбома.

– Сначала волосы, – защелкал ножницами Леня, – там, конечно, не очень светло, но все же, все же...

Он старательно оттенил прическу какой-то краской.

– Здорово, – одобрила я.

А потом начался совершенно непостижимый и невероятный процесс превращения одного человека в другого.

Под Лениными пальцами исчезла картошечность носа. Нос удлинился, утоньшился и стал ужасно похож на Денискин. Потом волшебным образом изменилась форма глаз,

подбородка, овал лица – и вот уже на меня чужими карими глазами смотрит Денис. Чудо продолжалось. Гример оттянул веки, и радужная оболочка поменяла цвет – стала голубой. Передо мной сидел Дениска, мой родной, любимый мальчишка! Я чуть не зарыдала, но, как говаривал пятилетний Аркадий: «Какой смысл плакать, если от этого подарка не будет».

Леня начал инструктаж:

– Значит, так. Утром, запомните, только утром, вы приклеите эти усы, вот пузырек с клеем, натянете ему паричок, я думаю, шатенистый подойдет.

Гример порылся в необъятной сумке, и на свет появился парик из темно-каштановых натуральных волос, причесанный под Бальмонта. Следом возникли большие, тяжелые очки в темной оправе.

– И еще костюмчик, – щебетал гример, – кажется, он изумительно подходит для ваших целей.

С этими словами Леня выволок на свет из той же сумки розовый пиджак, темно-оливковую рубашку, бордовые брюки и такой же бордовый галстук.

Пиджак выглядел потрясающе – сшитый из какого-то блестящего материала, напоминающего клеенку, с золотыми пуговицами и вышитым на нагрудном кармане львом. Увидев мое изумление, Золотов горделиво произнес:

– Утащил из костюмерной. Пиджачок с рубашечкой будут тик в тик, а вот брючки придется в поясе чуть-чуть утянуть.

Ну-ка, померяй!

И он протянул попугайское одеяние фальшивому Денису. Тут я снова обрела голос:

– Нет, нет, это нельзя надевать ни в коем случае. Да вся тюрьма вытаращится на это варварское великолепие!

– Вот именно, – радостно захихикал Леня, – именно вся тюрьма будет таращиться на этого идиота. Но все запомнят только пиджак, а на лицо и не посмотрят как следует. Великолепный отвлекающий момент!

«А ведь он прав, – подумала я. – На самом деле, все будут разглядывать этот костюм!»

В Лениной правоте я убедилась еще раз, когда в семь утра мы сели в машину. Таксист чуть глаза на щеки не выронил и потом всю дорогу тихо покашливал.

В половине восьмого мы заняли очередь у входа в тюрьму. Когда в восемь утра толпа, груженная пудовыми сумками, понеслась внутрь, фальшивый Дениска дернул меня за руку:

– Не беги с этими, им в правую дверь, а мы адвокаты, нам налево.

И он толкнулся в другой вход. Мы вошли в тесное обшарпанное помещение, правда, здесь стояли стулья и маленькие неудобные столики. Публика тут собралась другая. Полноватые мужчины в хороших костюмах, женщины с дорогими деловыми сумками, несколько довольно молодых людей в джинсах и курточках. Все они стояли в очереди к маленькому окошку. Я почувствовала, как от страха вспотела спи-

на. Боже мой, совершенно не знаю, как адвокаты проходят в тюрьму! Подельник ткнул меня кулаком под ребра и шепнул: – Чего zenки-то выпучила? Становись и делай то же, что и я.

И он просунул в окошко адвокатское удостоверение, которое стоило ровно столько, сколько я раньше зарабатывала за год. Очередная крепко сбитая блондинка дала бланк. Мы пристроились за угловым столиком.

– Это заявка, – поучал «коллега», – вот заполняй, потом отдадим в окно и будем ждать, когда вызовут.

– Она ничего не заподозрит, не покажется подозрительным, что к одному заключенному сразу два адвоката идут?

– А что тут такого? Деньги есть, так можно хоть десять нанять, закон позволяет.

– И откуда только ты все это знаешь?

– Посидишь с мое, не то еще узнаешь!

Внезапно я вздрогнула. В хорошо придуманном плане обнаружилась зияющая брешь. Что будет со лже-Денисом, как он уйдет из тюрьмы, когда все выяснится. Услышав этот вопрос, подельник тихо хихикнул:

– Ну ты даешь. Сразу, ясное дело, не выйду. Сначала, конечно, по морде наkostenяют для порядка. Потом, наверное, судить будут. Только вот все никак не соображу, какую статью прицепят. Может, мошенничество. Да ты не бойсь, скажу, что меня силой заставили. Странная какая, платишь такие бабки и обо мне волнуешься.

– Не страшно опять садиться?

Парень покачал головой:

– Тюрьма – дом родной. Я там в авторитете. Уж поверь, под шконками не сижу. Отдельную кроватку имею, телевизор у подушки.

– А что, отдельная кровать – вещь необыкновенная?

Лже-Дениска прищурился:

– Ой, мамаша, ну как я тебе все объясню, когда ты просто-го не понимаешь. Не дрожи. Посижу до суда, потом в колонию, оттуда на поселение, следом – условно-досрочное получение. Годика через два на свободе с чистой совестью и тугими бабками.

Следующие полтора часа прошли в молчании. Время от времени из окошка выкликали фамилию. Наконец-то позвали нас. Фальшивый Дениска встал.

– Пошли в эту башню на второй этаж.

Мы пересекли крохотный дворик и вошли в башню, поднялись на второй этаж и оказались перед воротами-металлоискателями, наподобие тех, что стоят в аэропортах.

Справа от ворот в железной клетке сидела привычно кудрявая белокурая девушка, на ее лице замерло каменное выражение. А впереди, сразу за воротами, тянулась решетка. Паренек прошел через ворота и подал девушке документы, та выдала железный номерок и нажала кнопку. Решетка с лязгом отошла в сторону. Я быстренько повторила маневр.

Мы оказались внутри тюрьмы, и решетка с жутким стуком захлопнулась за нами. Стало страшно. Господи, ну куда лезу?

Быстрым шагом мы пошли по коридору, поднялись еще на один этаж и опять оказались возле решетки и девушки в клетке. Прямо над головами виднелась надпись: «Следственная часть». Мой компаньон показал номерок. Стражница открыла решетку и тусклым голосом сказала:

– Второй кабинет.

Мы прошли по длинному коридору и встали у второго кабинета. Появился молоденький офицер, он взял у нас заявку и отпер комнату. Я шагнула внутрь и вздрогнула – замок заперли.

– Да не дрожи ты, – рассмеялся браток. – Здесь всегда запирают двери. Не дергайся.

Я огляделась. Маленькая, метров шести-семи комната выглядела удивительно грязной. В углу валялись чьи-то рваные кроссовки, на стуле висела тельняшка. Письменный стол и допотопная вешалка венчали пейзаж. Сердце тоскливо жалось: если у них так в помещениях для адвокатов и сотрудников, то как же убого в камерах! Грустные размышления прервал звук отпираемой двери. Конвойный ввел Дениску.

«Только не удивляйся, бога ради, не удивляйся», – молилась я про себя.

Но Дениска даже не вздрогнул. Конвойный повернулся и вышел. Денька молча продолжал смотреть на нас. Я откаш-

лялась:

– Уважаемый Денис Иванович, ваша семья наняла нас, чтобы помочь.

Не прерывая идиотской тирады, протянула мальчишке листок бумаги. Денька прочитал и быстро стал снимать костюм. Я продолжала вещать, как радио на вокзале:

– Чистосердечное признание облегчит вашу участь и уменьшит наказание...

Лже-Дениска гнусавил в ответ:

– Да не виноват я, зуб даю, подставили меня.

Под этот аккомпанемент быстро производилась операция по разгримировыванию и загримировыванию. Каштановый парик, усы, очки, розовый пиджак... Управились примерно минут за сорок. Наконец были произнесены завершающие слова «пъесы»:

– И все же советую как следует подумать, пока что мы потеряли здесь много времени зря.

Фальшивый Дениска подмигнул и еле слышно прошептал:

– Делай все в обратном порядке.

Он нажал на звонок у двери, через несколько минут вошел конвойный и увел заключенного. Мы с Деней двинулись по коридору.

– Повторяй за мной, – шепнула я.

Денька кивнул головой.

Показали железные номерки, и решетка распахнулась. На первом этаже девушка беззвучно отдала удостоверения, за-

брала номерки, и мы вышли во дворик. Я с ужасом ожидала воя сирен, лая собак... Но нет, все тихо. Спокойно среди бела дня удрали из Бутырской тюрьмы, и никто не заметил.

На Новослободской улице поймали машину и помчались в Шереметьево-2.

У табло в зале отлета маялась белая, как занавеска, и похудевшая Оксана.

– Ну что? – кинулась она, спотыкаясь о чемоданы.

– Спокойно. Ты привезла вещи?

– Вот. – Подруга протянула сумку.

Я понесла ее к мужскому туалету. Минут через десять умытый и переодетый Дениска обнимал мать.

– Ладно, – прервала я их объятия. – Мало времени, пойдемте в кафе.

Мы устроились за столиком.

– Значит, так, – сообщила я, – через два часа вылетаете на Кипр.

– Почему на Кипр? – удивилась Оксанка.

– Потому что там безвизовый въезд. Поселитесь в отеле «Бич». В этой гостинице полно народа. Смешаетесь с толпой отдыхающих и подождете моего приезда.

– А ты что, не поедешь?

– Нет, те, кто посадил Дениску, уже завтра узнают, что он сбежал. И если увидят, что я сегодня улетела в Париж, кинутся по следу.

– Так они и так кинутся по следу, – возразил Денька, –

увидят в списке пассажиров на Кипр наши фамилии, и все.

Я выложила на стол два загранпаспорта.

– Не увидят. Ты, Оксанка, теперь Римма Владимировна Федорчук, 43 лет, а ты, Денька, Игорь Станиславович Решетов, 19 лет. Вы больше не мать с сыном, а просто знакомые, имейте это в виду. Здесь в конверте билеты, доллары и разрешение на вывоз валюты. На две недели хватит, а потом я приеду.

– Господи, где же ты их достала и как попадешь на Кипр?

– Где достала, где достала – купила! А на Кипр поеду не сразу. Ты ведь никому не говорила, что я в Москве?

Оксанка покачала головой.

– Значит, никто и не узнает, что я здесь была. Отправлюсь во Францию в составе туристической группы. Сяду в автобус уже через несколько часов. Ночью буду в Польше. Те, кто начнет вас искать, проверят аэропорты, железнодорожные вокзалы, но прошерстить все фирмы, отправляющие туристов на автобусе в Европу, им слабо! Знаешь, сколько таких фирм? Открой «Экстра-М» – пять страниц объявлений! Меня они не найдут, вас тоже. Подумают, что спрятались в Москве. Кстати, кто остался с собаками?

– Я поселила у себя Лену. Она только рада пожить без матери. Сказала, что хочу еще отдохнуть и подвернулась путевка в Феодосию. Она приглядит за собаками и будет отвечать всем, что мы уехали в Крым.

– Ну вот пусть и ищут в Крыму, полуостров большой, –

резюмировала я.

## Глава 9

В Париж я попала через шесть дней. Путешествие с группой российских туристов оказалось на редкость забавным. Почти все дамы сверкали золотом и драгоценными камнями, мужчины щеголяли в спортивных костюмах. В основном это были «челноки» на отдыхе.

– Все Китай да Китай, – сказал один из них доверительно, – надо же и в Европе побывать.

Но и в Польше, и в Германии, и во Франции они, верные своему бизнесу, больше интересовались оптовыми складами, чем соборами и музеями. Мне же, честно говоря, было все равно, пейзаж за окнами меня мало занимал. Тревожило совсем другое. В пустой голове, как камни в погремушке, гремели мысли: «Что такое есть у Оксанки? Как перевезти ее в Париж? Как вернуть в Москву?» Единственным, кто мог помочь, был комиссар Жорж Перье, который находился в Париже на набережной Орфевр.

Мы познакомились с ним при трагических обстоятельствах. Бригада Жоржа расследовала дело об убийстве Жана Макмайера, мужа Наташки. Толстенький, лысоватый, с добродушным лицом, комиссар показался сначала деревенским простачком. Но скоро я поняла, что за этой его внешностью скрывается высокопрофессиональный полицейский с весьма незаурядным умом и образованием. Мы подружились, Жорж

стал бывать у нас дома.

Однажды пришел не один, а с собакой – английским мопсом. Маруся долго убеждала всех, что Хуч, так зовут мопса, на самом деле внебрачный сын комиссара. Похожи они необычайно: оба толстенные, лысенькие, коротконогие, оба страстно любят поесть.

Хуч – для наших ушей звучит ужасно. И скоро вся русскоговорящая часть дома стала звать его Хучик. Если вы несколько раз громко произнесете кличку, то поймете, почему Оля переименовала животное в Федю. На это имя квадратный мопсик не собирался откликаться. «Федя» ему не нравилось, он шел только к тому, кто величал его «Федор Иванович».

Наши собаки восприняли нового члена стаи с легким удивлением. Банди аккуратно потрогал незнакомое существо лапой.

– Мне кажется, они решили, что перед ними особо крупная мышь, – резюмировал Аркадий, глядя, как Снап пытается забрать мопса целиком в пасть. В конце концов ему это удалось. Ротвейлер аккуратно подцепил Хуча за складчатую шкуру и, как щенка, понес на кухню.

С тех пор Федор Иванович не ходит по нашему дому сам. Он меланхолично ждет, пока Банди или Снап не отнесут его куда-нибудь. Надо заметить, что, выбегая во двор или отправляясь на кухню выпрашивать печенье, и пит, и ротвейлер не забывают про мопса.

Когда я вошла в кабинет, Жорж вздрогнул:

– Даша, что ты здесь делаешь?

– Мне нужна помощь.

– Всякий раз, как ты появляешься в кабинете, нужно ждать неприятностей. Во что ты на этот раз влезла?

Пятнадцать минут понадобилось, чтобы объяснить все. Жорж крикнул:

– Говоришь, кто-то обыскал квартиру, а потом посадил мальчишку? А ты, значит, выкрала его из тюрьмы? Загримировала и поменяла?

Я утвердительно закивала головой. Жорж вздохнул:

– Хорошо, что не проделала ничего подобного в Париже, мне пришлось бы тебя арестовать.

– Хватит зудеть, – разозлилась я, – мораль читать все умеют. Сама знаю, что противозаконно устраивать побег из тюрьмы. Но другого выхода не было. Знаешь, что делают с насильниками в российских тюрьмах?

– В наших делают то же самое, – заверил комиссар. – А ты, как всегда, навалила глупостей. Будет трудно ввезти их в Париж без визы.

– Достань французские паспорта!

Жорж всплеснул руками:

– Ну совсем сумасшедшая, даже если раздобыть паспорта, как превратить твоих друзей во французов? Ведь они даже не говорят по-французски?

– А вдруг они глухонемые?

Жорж схватился за голову:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.